

УДК 811.161.1' 33:801.81

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭТНОЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В СЕМАНТИКЕ ПАРЕМИЙ¹

Н. Н. Семененко

Старооскольский
филиал
Белгородского
государственного
университета

e-mail:
nsemenenko@yandex.ru

В статье изложены принципы лингвокогнитивного подхода к описанию отражения особенностей этноязыкового сознания в семантике паремий как сложных знаков языка и культуры. Уточняется понятие национально-культурного компонента языкового значения применительно к теории смысловой структуры паремий. Рассматривается роль отдельных разновидностей когнитивных единиц, образующих основу смысловой структуры паремий, в выражении черт национального менталитета.

Ключевые слова: этноязыковое сознание, национально-языковой компонент значения, концептуальная антитеза, концептуальные синсеманты, концептуальные конвергенты, концептуальные дихотомии.

Современный антропоцентрический подход в лингвистических исследованиях предусматривает постановку довольно широкого круга междисциплинарных задач, среди которых выделяется фундаментальная проблема выявления механизмов и закономерностей отражения в языке «такого основополагающего компонента, как склад мышления нации, национальная логика мировосприятия и мирооценки» [1, с. 77]. Образ мысли народа – один из самых интригующих объектов изучения языкознания и смежных научных дисциплин – сегодня находится в центре внимания таких перспективных научных направлений, как когнитивная лингвокультурология и когнитивная лингвопрагматика. В частности, когнитивно-прагматический подход в лингвистике позволяет выделить ряд важных аспектов проблемы изучения отражения менталитета в языке, расширяющих представления о взаимодействии этих феноменов. Сложность и противоречивость в оценке ментальности как феномена национального сознания в процессе анализа лингвистического материала обусловлена рядом причин, в том числе (1) слабой формализацией критериев анализа; (2) субъективизмом, неизбежно присутствующим в оценке особенностей национального мышления, воспринимаемых в непосредственной связи с особенностями характера народа; (3) дискуссионностью самого положения о национальной специфике мышления и сложностях, связанных с определением степени взаимодействия национального и интернационального как в образе мышления, так и в семантике языковых знаков.

Правомерность выделения этноязыкового сознания, как и языкового сознания в принципе, находится в дискуссионном поле современных лингвистики, психологии, культурологии и ряда смежных научных дисциплин, рассматривающих не познанный ещё во всей своей глубине феномен взаимодействия языка, сознания и культуры. Обращаясь к данной проблеме, Н. Ф. Алефиренко отмечает, что в рамках когнитивно-семиологической теории наряду с понятием «сознание» находит свою нишу и понятие «языковое сознание» – причем, последнее «использует вербализованные знания, которые служат средством активизации соответствующих элементов когнитивного сознания, прежде всего социального, культурного и мировоззренческого происхождения» [2, с. 71–72].

Культурно обусловленное содержание вербализованных когнитивных единиц, являющихся оперативными единицами этноязыкового сознания, выражается в националь-

¹ Опубликовано в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по Госконтракту П 1306.

но-культурном компоненте языкового значения. Обретая материализованную форму с помощью того или иного вербализатора, содержание когнитивной единицы (концепта, фрейма, гештальта и т. д.) являет нам не только прототипические признаки предметов и явлений окружающего нас культурного поля, но и общую для национального сообщества установку сознания, сформированную, в том числе, и языком. Как отмечает А. А. Мельникова, «понимание специфики языкового кодирования мира... дает возможность гораздо глубже исследовать культурные установки, чем непосредственный анализ культурных проявлений, ибо последние объемны, многозначны и находятся в постоянном изменении, тогда как лингвистические правила конкретны, обозримы и лишь в малой степени изменяются...» [3, с. 113]. Соответственно, изучение языковых процессов позволяет наглядно и с привлечением относительно формализованных методов проследить способы и механизмы национально обусловленной языковой кодировки культурной действительности. При этом следует признать, что различные языковые категории, характеризующиеся определенной степенью формализации методов их описания, в изучении культурной значимости языковых процессов дают результаты разного порядка. Так, изучение синтаксического строя языка или анализ развития лексического состава позволяют описывать номинативно-предикативное поле языковой категоризации, проникая в суть синергетических лингвокультурных процессов. Область же фразеологической и паремиологической семантики более субъективна и полифонична в оценке, причем сама семантическая структура фразеологических и паремических знаков характеризуется изначальной культурной обусловленностью внутренней формы, пристальное изучение которой может «увести» в сторону от собственно семантического анализа.

Сложность и определенная «предвзятость» междисциплинарного исследования феномена этноязыкового сознания связана, в том числе, и с тем, что взаимопроникновение культурных, мыслительных и языковых процессов уже давно не позволяет рассматривать их изолированно друг от друга. В определенной степени традиционным предметом изучения в попытке выявить и описать содержательный аспект единиц этноязыкового сознания являются так называемые «номинативные единицы высокой национальной нагруженности... обозначения бытовых реалий..., антропонимы, топонимы, названия явлений и предметов духовной культуры, ритуалы, традиции» [1, с. 113]. Другую группу культурно маркированных языковых единиц, позволяющих осуществлять последовательный анализ особенностей этноязыкового сознания, образуют так называемые единицы вторичной номинации – фразеологизмы, паремии, афоризмы и различные аллюзии, возникающие на их основе. Вторичные знаки, выступающие в своей дискурсивной функции в статусе прецедентных сочетаний, высказываний и текстов, аккумулируют в своей содержательной структуре не только элементы культурно маркированной информации, но и ментальные ориентиры и установки, позволяющие проникнуть в синергетику языка и культуры.

Паремии занимают особое место в числе иных прецедентных единиц языка, поскольку они являются своеобразными выразителями народной идеологии, живой и развивающейся внутри культуры под влиянием множества факторов, во всех ее внутренних противоречиях. Паремическая картина мира имеет ряд специфических отличий от общеязыковой, прежде всего в плане оценки – основного регулятора прагматической установки культуры. Как утверждает В. Н. Телия, все, что может быть истолковано в терминах оценочности, принадлежит к кругу национальной культуры [4, с. 32]. Действительно, в оценке ярко проявляется то, что лингвокультурологи называют «национальным характером». Выраженная в паремии оценка регулирует процессы восприятия носителем языка конкретной ситуации, соотносимой с типовой (выраженной в тексте паремии), и, соответственно, последующей его рефлексии. Паремиологическая семантика как предмет изучения позволяет не только (и не столько) наблюдать закономер-

ности отражения культурных реалий в языковой картине мира, но и рассматривать важнейшие ценностные установки культуры, базовые ориентиры этноязыкового сознания, регулирующие развитие и самосохранение этноса.

Тесная связь языка и культуры наиболее наглядно прослеживается в процессе анализа единиц вторичной номинации, которые содержат в своей семантической структуре более или менее явные культурные смыслы. Когнитивно-прагматический подход в изучении вторичных языковых знаков, оперирующий такими категориями, как языковая картина мира и языковое сознание, позволяет установить механизмы проникновения тех самых культурных смыслов в план выражения лексических и фразеологических единиц. Языковая картина мира как «целостное отражение..., воспроизведение в языке при помощи средств языка предметов и явлений окружающей действительности», не просто репрезентирует факты культуры посредством их языкового выражения, но и указывает на «составляющие картины, их состояние, положение, т.е. связи по отношению друг к другу» [1, с. 66]. Таким образом, языковая картина мира отражает и структуру языкового сознания, которое объективирует явления культуры и осуществляет процессы переосмысления и обобщения [1, с. 73]. Особую роль в этом играют такие знаки косвенной номинации, как паремии. Их значимость для репрезентации и экспликации языкового сознания обуславливается тем, что они отражают типовые коммуникативно-прагматические ситуации речевого общения, а также знание алгоритма использования механизма взаимодействия языковых подсистем, необходимых для реализации коммуникативной интенции в данном – речемыслительном акте [1, с. 303]. Подобное понимание одной из важнейших для когнитивной лингвокультурологии категорий позволяет предположить, что паремии как многоплановый феномен, совмещающий в себе стихийность и системность, не просто отражают стереотипы мышления, а являются культурно-рефлексивными средствами самоанализа национальной культуры. Данная функция (культурно-рефлексивная) связана с критическим осмыслением, когнитивно-дискурсивной интерпретацией накопленного опыта, а также ретрансляцией тех элементов культуры, которые в коммуникативно-прагматическом отношении для данной лингвокультуры являются приоритетными.

Культурно-рефлексивная функция знаков косвенной номинации наиболее очевидно проявляется в традиционном «своде народной мудрости» – паремиологическом фонде языка, поскольку особенности знаковой природы паремий позволяют им выражать закономерности языкового сознания, сформировавшегося как продукт взаимодействия языка и культуры. Наиболее полно и разносторонне среди других паремий выражают особенности национального менталитета пословицы. Являясь от природы синкретичными языковыми знаками, пословицы совмещают в себе следующие признаки: (1) текста и идиоматической единицы; (2) замкнутой и открытой синтаксической структуры, (3) единицы языка и единицы речи, (4) вторичного текста и вариативного высказывания; (5) их семантика совмещает черты обобщенности, фразеологической связанности и композиционности семантики; (6) внутренняя форма характеризуется высокой степенью прозрачности наряду с десемантизацией отдельных лексем; (7) ведущая прагматическая функция – дидактическая – реализуется как в определенном дискурсе, так и, благодаря четкой мотивации определенной когнитивно-денотативной ситуацией, уже первично подверженной оценке, – вне дискурса.

Вследствие перечисленных особенностей формы, семантики и прагматики пословицы способны к «объемной» репрезентации наиболее важных для национального языкового сознания категорий. Народные афоризмы выражают и категоричность в оценке, и «гибкость» морально-этических норм, они парадоксальны и догматичны в соответствии с внутренней логикой высказывания, поучительны, но не навязчивы в своей аксиологической функции, характеризуют как онтологические закономерности,

так и нюансы психофизического состояния человека, его характера и привычек – типичных и значимых для национальной культуры. Особая значимость пословиц как выразителей образа народной мысли заключается в том, что они позволяют говорить о мудрости народа как о нерасчлененном понятии, поскольку, «как в народе, так равно и в его языке и пословицах, представляется смесь древнего с новым, коренного и прививным, отечественного с чужеземным, городского с сельским» [5, с. 5]. При описании ментальных особенностей нации на материале народных афоризмов особенно ценным является то, что в них «одни и те же явления могут оцениваться по-разному, ведь пословицы создавались людьми, разными по социальному статусу, идеологии, интересам и т. д.» [6, с. 236]. При этом следует отметить, что достаточно сложное и обширно толкуемое понятие менталитета включает в свое содержание «наряду со складом ума, манерой видения мира..., и результаты этого постижения – образы и представления... помимо ментальных процессов и их содержания в понятие «менталитет» включаются поступки» [7, с. 45]. Столь обширный набор содержательных компонентов наиболее полно репрезентируется именно в пословицах, поскольку они в силу своей «свернутой» сюжетности и событийной основы могут выразить и статическую и динамическую составляющие менталитета. Менталитет – это не застывший слепок национального образа мысли, постигаемый «постфактум», а активный феномен, непосредственно «взаимодействующий с процессами когниции, накладывая на них свой отпечаток, включаясь в сами эти процессы и структурирование получаемых знаний» [7, с. 48]. Вне сомнения, национальный менталитет чрезвычайно ярко выражен в пословицах еще и потому, что они, являясь универсальным источником сведений о культуре народа, на протяжении веков живут в сознании людей.

Когнитивная природа паремий также способствует выражению особенностей национального менталитета – прежде всего благодаря способности пословиц репрезентировать обобщенные ситуации (фреймы), которые служат своеобразными протодезинтатами [8, с. 43] паремических высказываний. Кроме того, репрезентируя определенный фрагмент фрейма (как правило, в его интегративном взаимодействии с другими когнитивными структурами), пословицы не просто ретранслируют данный ситуативный фрагмент, но и активно выражают его прагматическую оценку, дают рекомендацию морально-социального характера и указывают на роль этого фрагмента в общей фреймовой сетке (последнее позволяет установить закономерности взаимоопределения ценностных категорий и определить принципы их взаимодействия в народном сознании). Следует отметить и тот факт, что паремическая репрезентация культурных комплексов, стоящих за фреймами, дает «объемный» эффект, при котором фреймовая структура предстает не только в своих отдельных фрагментах, но и в оппозиционных связях с другими когнитивными структурами, что позволяет судить о тесной связи базовых ценностных категорий в национальном сознании. Помимо того, фреймовый анализ паремий позволяет более детально описать структуру самого фрейма, являющегося элементом когнитивной основы структуры языковой картины мира.

Различные типы народных афоризмов характеризуются достаточно схожим набором свойств, позволяющих им репрезентировать фрагменты фреймовых структур. В частности, пословицы репрезентируют фреймы с «прицелом» на оценку последствий и закономерностей, вытекающих из исходной ситуации. Пословица «смотри» в будущее, так как она является прагматической рекомендацией, дающей для дальнейшего руководства: *Не нужен ученый, а нужен смысленый* (обращайте внимание на природный аналитический ум, а не только на наличие образования), *Муж в дверь, а жена в Тверь* (не оставляйте супругу одну, не доверяйте ей), *Подле огня обожжешься, подле воды обмочишься* (какое дело не выбери – будут определенные

трудности). Таким образом, подводя итоги многовековых наблюдений за человеческой природой и закономерностями бытия, пословица одновременно анализирует, ретранслирует и рекомендует.

Соответственно, паремия не просто репрезентирует фрагмент фрейма (ситуации), а высвечивает стоящие за ним нерасчлененные когнитивные единицы (гештальты) и фрагменты концептосферы – концепты и их конгломераты. К числу конгломератов мы относим (1) концептуальные антитезы (Много – Мало, Хорошо – Плохо и т. п.), (2) концептуальные синсеманты (Вера/Надежда, Счастье/Удача и т. п.), являющиеся следствием взаимопроникновения содержательных компонентов отдельных концептов, которые при определенной репрезентации уже не воспринимаются самостоятельно и расчленены, (3) концептуальные конвергенты (Дело=Работа, Деньги=Имущество и т. п.), возникшие в результате содержательной «надстройки» одного из концептов компонентами другого и (4) концептуальные дихотомии (Жизнь-Смерть, Добро-Зло и т. п.), изначально нерасчлененные в соответствии со своей взаимоопределяемой природой. Например, в пословице *Не твоя печаль чужих детей качать* реализован следующий прагматический смысл – «Каждому свое дело, своя забота». Содержание данной рекомендации обусловлено обобщенным значением, возникшим на основе когнитивной модели высказывания, представленной слотом «Своя участь» фрейма «Судьба». Фоновый гештальт может быть сформулирован как «Каждому свое», а динамизм модели заключается во взаимодействии таких конгломератов, как концептуальная антитеза «Свое – Чужое» и концептуальный синсемант «Дело/Проблема». Интересно, что абсолютно прозрачная внутренняя форма высказывания, порождающая культурно значимый образ, содержит лексемы *дети* и *качать*, не реализующие напрямую функцию маркера когнитивно-денотативной ситуации. Структура высказывания включает данные лексические компоненты, поскольку они создают видимый и однозначно социально «читаемый» метафорический образ: *детей качать* – «воспитывать потомство». Вместе с тем, значение, обусловленное данным образом, подвергается дополнительному переосмыслению, причем, уже не в процессе реализации метафоры, а в процессе обобщения значения, «сгущения мысли» (термин А. А. Потебни) в контексте самой пословицы, когда отдельные семантические признаки, участвующие в композиционном взаимодействии в структуре высказывания, теряют свою актуальность. В данном случае мы наблюдаем десемантизацию лексем, номинирующих объект действия в пословице (*детей качать*). Причина десемантизации – «смысловый пресинг» оси когнитивной модели, функцию которой в данном случае выполняет концептуальная антитеза «Свое – Чужое», организуя прототипическую базу высказывания.

Когнитивные модели пословиц характеризуются большим разнообразием, поскольку практически нет тем житейского, нравственного и обыденно-философского плана, которые бы не затрагивались в пословицах, – вместе с тем, в пределах тематической группы пословиц, выделяемой по наличию в когнитивном основании элементов структуры одного фрейма, наблюдается определенное единство фреймовой семантики. Например, тематическая группа «Богатство – достаток», представленная в сборнике В.И. Даля, объединяется акцентуализацией когнитивной модели высказывания посредством интеграции концептов «Богатство», и «Удача/Счастье»: *Деньги не голова: наживное дело* (богатства можно достичь, с ним не рождаются); *Не деньги нас наживали, а мы деньги нажили* (достижение богатства во власти человека); *Богатый и не тужит, да брюзжит, Богатому не спится: богатый вора боится, Богатый и не тужит, да скушает* (богатство не всех делает счастливыми); *Богатство родителей – порча детям, Отец богатый, да сын неудатный, Через золото слезы льются* (за богатство приходится «расплачиваться» несчастьем); *Деньгами души не выкупишь* (Богатство не сулит счастья в иной (загробной) жизни), *В аду не быть – богатства не нажить* (богатство приносит счастье, но только после несчастий и испытаний) и т. д.

Вместе с тем, даже при общей «опоре» на одни и те же слоты фрейма различные пословицы демонстрируют свой, индивидуальный «рисунок» когнитивной инте-

грации в пределах высказывания. Например, в тематической парадигме пословиц, репрезентирующих когнитивную модель, основанную на взаимодействии слотов «Удача» и «Умение» фрейма «Судьба», отдельные паремии свидетельствуют о различных вариантах взаимодействия когнитивных структур, формирующих смысловое пространство народного афоризма. Так, в пословице *Давал Бог клад, да не умели взять* концепт «Удача» репрезентирован при участии лексического маркера – *клад*, что способствует формированию прагматического смысла высказывания – «Без умения не спасут ни ум, ни везенье». Кроме того, существенную роль в выражении обобщенного значения пословицы и, соответственно, в реализации прагматического смысла играет концептуальный конгломерат, благодаря которому пословица и включается в тематическую группу – концептуальный синсемант «Ум/Умение» (лексический маркер – *умели взять*). Важно отметить и тот факт, что именно интеграция концептов «Ум» и «Умение» способствует обобщению значения народного афоризма и, соответственно, приводит к расширению его дискурсивной «валентности» (способности включаться в разнородные дискурсы, предусматривающие различные нюансы языковой стилистики и речевой прагматики). Таким образом, мы наблюдаем реализацию высказывания, утверждающего, что «Ум» находится в зависимости от «Умения» и «Расторопности», а его отсутствие вполне может нейтрализовать «Удачу».

В пословице *Счастье едет в карете, а с умом идет пешком* мы также наблюдаем взаимодействие слотов «Ум» и «Удача» фрейма «Судьба». Сам факт антитетического размещения лексических маркеров данных когнитивных единиц говорит об актуализации той части их содержания, которая связана с оценкой их значения в судьбе человека. Антитетичность высказывания усиливается за счет использования в тексте скрытого (образного) противопоставления способов передвижения *в карете* и *пешком*. Реализуемая в тексте пословицы олицетворяющая метафора – это выбранная языком форма совмещения категорий абстрактных и вещественных с целью, обусловленной именно когнитивной базой высказывания – выражением фрагмента фрейма «Судьба». Образ, порождаемый внутренней формой, мотивирует обобщенное значение пословицы – «Счастливый человек имеет больше благ, чем умный» и ее прагматический смысл – «Не надейся только на свой ум – лови и удачу». Соответственно, когнитивная интеграция концептов «Ум» и «Удача» в данном тексте есть выражение ментальной установки в оценке ума как явления, зависящего от удачи. Данное утверждение прямо противоположно утверждению, выведенному из интерпретации смыслового плана предыдущей пословицы (*Давал Бог клад, да не умели взять*). Подобное противопоставление основывается, видимо, именно на существенной разнице, наблюдаемой между «Умом» как таковым (интеллектуальной способностью) и «Умом/Умением», которое необходимо, дабы воспользоваться «Счастьем - Удачей». Своеобразную третью сторону в данном противоречии представляет пословица *Счастье без ума – дырявая сума*, прагматический смысл которой обусловлен обобщенным значением «Глупому человеку не поможет и везенье» и может быть прочитан как рекомендация «Не надейся только на удачу, а рассчитывай и на свой ум». Таким образом, столь важные составляющие счастливой человеческой судьбы, как ум, умение и удача осмысливаются народом в пословицах чрезвычайно глубоко, «объемно» – как в оценке, так и в попытке раскрыть онтологическую сущность данных явлений, с привлечением ресурсов образной народной речи и в рамках в высшей степени лаконичной и информативной формы, которую демонстрирует пословица.

В процессе анализа отражения характерных черт этноязыкового сознания в паремическом фонде языка неминуемо возникает необходимость обращения к понятию национально-культурного компонента языкового значения, которое при всей его популярности в современных исследованиях еще не получило общепринятого терминологическо-

го значения. Остается очевидным лишь то, что оно призвано фокусировать смыслы, рождаемые взаимодействием национального и культурного факторов формирования семантической структуры образной языковой единицы. При попытке определения терминологического содержания данного понятия уместно обратиться к словам Н. А. Бердяева, который отмечал, что «Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, то есть национальная» [9, с. 85]. Именно данное философское воззрение стало базовым для исследований национально-культурной специфики фразеологизмов русского языка. В. Н. Телия убеждена: все, что может быть истолковано в терминах оценочности, принадлежит к кругу национальной культуры [4, с. 74]. В тоже время ряд современных ученых полагает, что смыслы, транслируемые фразеологическими единицами, основаны на универсальных для всей европейской культуры традициях и призывают отличать псевдонациональное от культурно-универсального. В связи с этим возникает проблема изучения фразеологических и паремических корреляций, свидетельствующих об определенных объективно существующих культурных универсалиях. Как нам представляется, культурно-языковая специфика и культурно-языковые универсалии не находятся в отношениях взаимоисключающего противопоставления, они взаимно предполагаются как диалектические составляющие феномена национальной культуры. Подобная точка зрения согласуется с положением о том, что универсальная и национально-культурная составляющие семантики фразеологической единицы находятся в комплиментарных отношениях. Наличие культурно-языковой специфики отнюдь не отменяет действия культурно-языковых универсалий. Универсальное и культурно специфичное находят отражение в языке как системе, которая при анализе выстраивается в определенную языковую картину мира.

Еще одна проблема выделения национально-культурного компонента значения фразеологических сочетаний и выражений связана с определением когнитивного основания семантической структуры знаков вторичной репрезентации. На наш взгляд, когнитивная основа фразеологического идиоматизированного и паремического обобщенного значений основывается на тех категориях из мира идеального, которые служат своего рода протознаками фразем и паремий. Ментальная (когнитивная) модель, являясь дознаковой стадией процесса семиозиса, всегда предшествует формированию значения фразеологизма. Следует отметить и тот момент, что говорить о собственно национальной специфике когнитивных моделей в высшей степени проблематично, поскольку механизм языкового мышления – слишком древнее образование для того, чтобы оценивать его существенные признаки как попавшие под влияние национальной культуры. Вместе с тем, то, что мы называем образом мысли народа, выраженном в языке, есть не что иное, как устойчивые (стереотипные) связи во взаимодействии когнитивных единиц, участвующих в процессе интеграции. Сам процесс когнитивной интеграции (порождения новых смыслов в процессе ассоциативного взаимодействия ментальных единиц) наиболее ярко выражен именно в семантике вторичных знаков, к числу которых относятся фразеологические и паремические единицы. При этом, особую роль в выражении национально-культурного компонента значения играют интегрированные когнитивные пространства, воплотившиеся в обобщенном значении паремий.

Еще один «ключ» к трактовке национальной специфики выражаемого значения лежит в рассмотрении такой предзнаковой формы языковой номинации как внутренняя форма. Внутренняя форма паремий характеризуется рядом специфических признаков, поскольку она мотивирует не факт номинации (как у лексем и фразем), а умозаключение, выраженное в семантически «конденсированной» форме, которая посредством минимума языкового материала передает максимум объемного смысла. Кроме того, внутренняя форма народных афоризмов находится в тесной зависимости от когнитивно-денотативной ситуации. У большинства паремий основой внутренней формы является определенная ситуация – переосмысленная, как у зага-

док, рекомендательно-прогнозирующая, как у примет или обобщенная, типизированная, как у пословиц. При этом видовом своеобразии, внутренняя форма всех разновидностей паремий характеризуется высокой степенью прозрачности и тяготеет к реальной или метафорически выраженной мотивации. Набор денотатов, формирующих композиционную основу паремий, создает основу внутренней формы, которая реализует себя как вторичный по отношению к прототипической ситуации образ. В результате, выраженные в структуре паремий денотаты не составляют напрямую внутренней формы народного афоризма, а представляют собой ситуативную репрезентацию некоей когнитивной модели, особенности которой и влияют на полярность внутренней формы в ее направленности на мотивацию значения паремического знака. Таким образом, внутренняя форма паремий – это некая предзнаковая идея, прообраз того обобщенного образа ситуации, который выражает определенную интенцию, «заданную» базовой когнитивно-прагматической моделью высказывания.

Для определения роли внутренней формы в выражении культурно окрашенного прагматического смысла следует учитывать, что пропозитивная структура паремий имеет несколько уровней: (1) уровень когнитивно-денотативной ситуации (обобщенный образ ситуации, актуализированный позиционной «расстановкой» денотатов, выполняющих для носителя языка ассоциативно-образную функцию: *Кто правду хранит, того Бог награждает* – обобщенный образ заключается в представлении о «справедливой» последовательности событий – верность правде – награда, денотат лексемы *Бог* относит событие к ряду оцениваемых с позиции православной морали). Данный уровень лежит в основе композиции высказывания и отбора лексических компонентов для формирования текста паремии; (2) уровень когнитивной модели, которая представляет собой взаимодействие когнитивных единиц, порождающее те или иные когнитемы, и является следствием осмысления денотативной картины представленной ситуации; (3) уровень собственно внутренней формы как вторичного образа когнитивно-денотативной ситуации, возникающего под влиянием когниции. Например, в пословице *Злато не говорит, да много творит* на уровне когнитивно-денотативной ситуации обнаруживается антитетическая композиция, образованная денотатами лексем «говорить» и «творить» и денотатом лексемы «злато», подвергающаяся в тексте косвенной положительной оценке. Когнитивная модель паремии определяется репрезентируемыми концептами «Деньги» и «Действие», интегративное взаимодействие которых порождает когнитему «Действия, совершаемые деньгами». Реализация данной когнитемы может происходить в различных контекстах, выражающих конкретизируемые ситуации, в которых благодаря деньгам совершались значимые действия. Внутренняя форма пословицы, таким образом, основана на олицетворяющей метафоре, что ставит паремию в один тематический ряд с другими единицами, в тексте которых неодушевленная категория олицетворяется за счет приписываемых ей человеческих деяний (*Смех тридцать лет у ворот стоит, а свое возьмет; Любовь слепа, доведет до беды и пона; Лето родит, а не поле*).

Можно сделать вывод, что проблема выявления национально-культурного компонента значения у единиц со свойствами вторичных языковых образований, тесно связана с вопросами когнитивно-прагматического моделирования семантики фразеологизмов и паремий. При этом определенное внимание следует уделять не только многослойной смысловой структуре данных единиц, но и особенностям ее дискурсивной реализации. Фразеологизмы и паремии помимо ряда взаимообусловленных функций языка и культуры реализуют и текстообразующую функцию, поскольку способствуют реализации механизма прецедентной ссылки. Прецедентная ссылка как лингвокультурный феномен является своеобразным средством «инкультурации» текста, приемом «погружения» текста в среду, при этом, – фразеологизмы реализуют большей частью эмоционально-экспрессивный фон репрезентируемых когнитивных единиц, а паремии выражают целый прагматический комплекс значения: (1) дискурсивную интенцию смысла, (2) прагматическое значение и (3) прагма-

тическую рекомендацию. При этом дискурсивная интенция смысла есть ни что иное, как акцентуализация одной из составляющих когнитивной модели: поликонцептуальная структура значения пословицы в условиях конкретного ситуативного контекста реализуется в соответствии с потребностями дискурса и в рамках контекстной референции. Например, «Скуратов обнял Павла, - Эх и заживем мы теперь, родной... - сказал он мечтательно. - Такие дела закрутим, что ахнем... Знаешь ведь: дружно не грузно, а врозь – хоть брось. Гроза грозись, а мы друг за друга держись» (П. Воронин, В дальней стороне) [10, с. 109]. В данном контексте использование двух пословиц создает эффект параллелизма и градации, что приводит к актуализации прагматической установки на реализацию значения, выраженного в первой части пословицы *Дружно не грузно, а врозь – не брось*. При этом теряет актуальность антитеза, заложенная в основу смысловой структуры пословицы, - актуальна же вербализация концепта «Дружба». Прагматическое значение в данном случае может быть сформулировано следующим образом: 'вместе можно сделать очень много', а прагматическая рекомендация выражена в утверждении, что «дружба – большая ценность, сулящая обоюдную выгоду».

Таким образом, комплексное рассмотрение (1) когнитивного основания значения паремий и (2) дискурсивной реализации семантики данных единиц в виде прагматического комплекса значения позволяет изучать национально-культурный компонент семантики вторичных единиц именно в аспекте его проявления в целостной смысловой структуре знака, а не в плане противопоставления этнокультурного и интернационального, которое затрудняет собственно семантический анализ языковой единицы. Детальный же анализ национально-культурного компонента значения с когнитивно-прагматических позиций позволяет уточнить ряд спорных положений семантики вторичных знаков, в том числе, вопросы мотивации и образной основы значения.

Заключение

Рассмотрение проблемы выражения этноязыкового сознания в семантике паремий в аспекте лингвокогнитивного подхода позволяет сформулировать следующие обобщающие положения: (1) этноязыковое сознание – главная категория когнитивной семантики, обуславливающая характер синергетического взаимодействия языковой и ценностно-смысловой энергетики паремий как единиц вторичной номинации когнитивно-прагматического типа; (2) через осмысление особенностей формы, семантики и прагматики пословиц, а также их способности к «объемной» репрезентации наиболее важных для этнокультурного сообщества жизнесмыслов раскрывается, с одной стороны, природа и сущность этноязыкового сознания, а с другой – чувственно-образная зона концептосферы того или иного языка; (3) несмотря на известное множество когнитивно-прагматических моделей пословиц, характеризующихся индивидуальной конфигурацией элементарных смыслов, специфика фреймовой семантики каждой тематической группы позволяет судить об этнокультурно-прагматических стереотипах языкового сознания; (4) национально-культурный компонент паремий предопределяется когнитивным субстратом их семантической структуры; при этом особую роль в выражении национально-культурного компонента значения играют интегрированные когнитивные пространства, предопределяющие взаимообусловленность категорий, наиболее актуальных для национальной языковой картины мира; (5) внутренняя форма паремий как предзнаковая форма языковой номинации представляет собой вторичный образ когнитивно-денотативной ситуации и является источником к порождению и ключом к адекватному восприятию прагматического смысла пословицы; (6) дискурсивно-прагматическая интенциональность паремии обуславливает смысловое содержание паремии в конкретном иллокутивном речевом акте.

Список литературы

1. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М., 2003.
2. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии / Н. Ф. Алефиренко. – М., 2009.
3. Мельникова А. А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности / А. А. Мельникова. – СПб, 2003.
4. Телия В. Н. Русская фразеология / В. Н. Телия. – М., 1996.
1. Снегирев И. В. Русские народные пословицы и притчи / И. В. Снегирев. – М., 1995.
2. Воробьева Л. Б. Русские паремии как объект сопоставительной лингвокультурологии // Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения. Псков, 2008. С. 211–239
3. Иванова Е. В. Мир в английских и русских пословицах / Е. В. Иванова. – СПб, 2006.
4. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород, 2008.
5. Бердяев Н. А. Истина и откровение / Н. А. Бердяев. – СПб., 1996.
6. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М., 2000.

**LINGVOCOGNITIVE ASPECT OF THE PROBLEM OF EXPRESSION
OF THE ETHNOLINGUISTIC MENTALITY IN THE SEMANTICS OF PAREMIES**

N. N. Semenenko

*Sary Oskol Department
of Belgorod
State
University*

*e-mail:
nsemenenko@yandex.ru*

The author states the principles of the lingvocognitive approach to the reflection of the ethnolinguistic mentality in the semantics of paremies as complicated signs of the language and culture. The author makes exact the idea of the national-cultural component in the linguistic meaning referring to the theory of the semantic structure of paremies. The role of the separate varieties of the cognitive units is also regarded, because they make up the basis of the semantic structure of a paremy from viat traits of the national mentality.

Key words: ethnolinguistic mentality, national-linguistic component of meaning, conceptual antithesis, conceptual synthemants, conceptual convergence, conceptual dichotomy.